

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕДКОСТЬ НАВСЕГДА

В марте исполнилось 85 лет со дня поэтического дебюта Анны Ахматовой

Светлана Магидсон

АННА АХМАТОВА

ВЕЧЕРЪ

СТИХИ

ЦЕХЪ
ПОЭТОВЪ

В начале века профиль странный
(Источен он и горделие)
Возник у лиры...

Сергей Городецкий

ИЗЫСКАННО-ГОРДЕЛИВЫЙ профиль, принадлежащий Анне Ахматовой, кажется, навсегда возник именно у лиры... Она сделана резцом поэта Сергея Городецкого на голубоватой обложке первой книги стихов Ахматовой «Вечер». Поразительна судьба этой книги: такого блестящего дебюта, возможно, и не было в истории мировой поэзии. Ведь все стихи в ней безукоризненны. И все — о любви. Ахматовой «закрыта дорога иная»: она кличет любовь.

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.

Поначалу Анна Андреевна и хотела назвать свою первую книгу «Лебеда». Но как же на солнечном восходе полоть лебеду? Солнце, вроде, противопоставлено лебедю. По слову Волошина, лебеда — «рабыня смертно-влажной Луны». А у Ахматовой с Луной были сложные отношения: в юности страдала она лунатизмом. И в одной из своих «Северных элегий» признавалась: «И вот я, лунатическая ступая, вступила в жизнь...» Да, вступление, кажется, было и лунатическим, и царственным. Какая же она начинающая?..

Ранней Ахматовой, если судить по «Вечеру», просто не было. Сразу, легко и просто, как в театре на спектакль, вошла она в русскую поэзию. И заняла в ней свое высокое место.

Как это случилось? Гумилев, прочитав рукопись «Вечера», сказал: «Аня, ты поэт, надо издавать книгу». Позвали на заседание «Цеха поэтов» Михаила Кузмина, он восхитился и вызвался написать вступительную статью. Известный уже тогдашней читающей публике, он своим «предупреждением» к «Вечеру» как бы и ввел Анну Ахматову в царство Литературы. Ввел, как вводят молоденькую барышню на первый бал. И все ее сразу заметили.

Ненароком сказал Кузмин о каких-то мелочах, а вернее, о конкретных осколках жизни героини книги, которые «мучат и волнуют нас больше, чем мы этого ожидали и, будто не относясь к делу, точно и верно ведут нас к тем минутам, к тем местам, где мы любили, плакали, смеялись и страдали...» Это — из эlegantного, на старинный лад, предисловия Кузмина к «Вечеру». Рассказ «о конкретных осколках жизни» оказался пророческим. Если отвлечься от сравнительно небольшого числа сти-

хотворений, опубликованных тогда в петербургских журналах, то книга «Вечер» впервые представила читателю Анну Ахматову.

Это 46 лирических стихотворений. В них сквозит тончайшая и изысканная эротика. Но нет, совсем не та эротика, которую иногда забавно высказывают веселящимся подругам и возлюбленным... Эротика Ахматовой захватывает самые глубины души. Это скорее чувство, чем страсть. Но от страницы к странице мы ощущаем, как все-таки сгорает сердце нашей молодой героини от мук неразделенной любви, от равнодушия, непонимания, ревности... Это захватывает, это потрясает, это очаровывает, словно мы видим спектакль или участвуем в нем. Захватывает еще и потому, что остается впечатление, будто Ахматова (или героиня лирического повествования) чуть эфемерна: она тень, призрак, ветер... Недаром образ ветра — сквозной в ее творчестве. А эта «тьень от тени» (любимый образ!) так ею воспета! Нет-нет, воскликнете вы: «Это живая женщина, а не тень!» И будете правы: да, это женщина с трепетными земными чувствами, со страстями нешуточными. Но искрящаяся двойственность ее лирики очаровательна, загадочна. Это — глубина, прикрытая шуткой. И шутка, заключающая глубину. Какая дразнящая прелесть!

Притягателен и сам образ молодой (двадцать!) женщины-автора. Гармоничен образ поэта, явленный в книге «Вечер»... Сам этот образ — произведение искусства. У Ахматовой нет границы между объективным и субъективным. Или она незаметна, все в природе сливается с ее душевным состоянием: «Журавль у ветхого колодца, над ним, как кипень, облака, в полях скрипучие ворота, и запах хлеба, и тоска...» Как сливаются, сочетаются, созвучиваются (я не случайно употребляю этот глагол, потому что у Ахматовой всегда слышно звучание, слышна внутренняя музыка, околдовывающая, завораживающая) миры: внешний и внутренний. Посмотрите, как это сделано:

Мне с тобою пьяным весело,
Смысла нет в твоих рассказах;
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.
Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбой странною
И застывшей улыбаемся?..

Я читаю эти строки в первоизданном виде, в той орфографии, которая была принята в 1912 году, она как бы усиливает резонанс стиха, а «яти» (Ъ) даже зрительно помогают увидеть флаги на вязах. Как в театре.

А какая естественность поэтической манеры. Поэтического письма. Какая простота (в высоком смысле) речи. Неистовость, пафос, бурные порывы она не любила. Но зато какая державность личности — уже в двадцать лет! Как сходятся начала и концы.

В русскую лирику Ахматова ввела Ее, сделав главной героиней. До нее в лирике был главный Он. Много ли мы знаем поэтов, у которых гражданские жесты были бы продиктованы чувством, благородством, совестью?.. Ахматову можно безусловно причислить к ним.

Восемьдесят пять лет. Это для книги — большой возраст. Но кажется, что только вчера написана. Так она близка нам и стилистикой, и манерой письма, и лаконичностью. И недосказанностью. И изысканной, классической простотой. Кого, сегодня, поставить с ней рядом? Только Пушкина: она прежде всего наследует его традиции.

Да, название — «Вечер» — банально. Даже поклонники Анны Ахматовой посмеивались тогда, считая, что «Вечер» — это, скорее, «Утро» начинающей Эвтерпии... Но и тут молодой автор оказался прав! У настоящего поэта, считала Ахматова, всегда есть свой путь, этим он и отличается от обычного стихотворца.

Что же, этим названием Ахматова эпатировала публику?.. Ни в коем случае, просто она, как я уже сказала, начинающей никогда не была. Хотя свою дебютную книгу «Вечер» она и недолюбливала, книгу, но не название. Вы спросите почему? Потому, что творческую планку задала она себе сразу же

встве. Оба они создали на Офицерской улице, где находился театр, богемные «Театральные субботы» на которые приходили поэты, драматурги и артисты всех петербургских театров. Так в театре зазвучали стихи. Я не случайно говорю о Вере Комиссаржевской, Мейерхольде, Ибсене, вечерах поэзии — все это аукнулось в творчестве Ахматовой.

Время было тогда театральное: «Бродячая собака», «Привал комедиантов», всюду звучала музыка... Да и Ахматова собиралась связать свою жизнь с театральным искусством, этот факт в жизни поэта не столь известен. Писался «Вечер» в 1910–1911 годах, в Киеве и

ний, в него входящих, — это серия монологов, которые развивают и показывают драму лирической героини. А чтобы читателю не грозила опасность скучного повторения «словесных рядов», Ахматова прибегла и к помощи скрытого «диалога». Это давало огромный эмоциональный эффект. Это захватывало, как речь великолепного актера. Все это — разновидность художественной речи, составляющие драму в стихах. Ведь и так можно прочитать «Вечер»...

«Вечер» вышел в 1912 году, в марте. Но зарегистрирована книга, поступившая в Главное управление по делам печати (и тогда существовало такое) с большим опозданием, 24 ноября (7 декабря по н/с). Вероятно, обязательные экземпляры, предназначенные для «Книжной летописи», фиксирующей все выходящие книги, остались в типографии Юрия Мансфельда, где печатался «Вечер».

Рецензию в «Речи» Сергея Городецкого, синдика «Цеха поэтов», на свою первую книгу читала Анна Ахматова уже во Флоренции. Она с горем что у нее вышла книга, поехала вместе с мужем Николаем Гумилевым в Италию, почти спасаясь от настигающей ее славы. И действительно, «Вечер» имел просто оглушительный успех. Читающей публике нравились и «одежка» книги: обложка с лирой, «восхитительный фронтиспис», сделанный «мирикусником» Евгением Лансере, эта дивная гравюра в три цвета. Нравились и лаконичные, изысканные, в каком-то античном духе, заставки к книге, сделанные пером молодого, не известного еще тогда гравера А. Белобородова. Все это осталось навсегда жить лишь в книжном «пространстве» того далекого двенадцатого года. Ахматова никогда не переиздавала «Вечер». Тем ценнее сегодня для нас эта дебютная, эта уже неповторимая книга. (Хотя издательство «Книга» в 1988 году выпустило в серии «Книжные редкости» репринтное издание «Вечера» тиражом в 100 тысяч экземпляров.)

«Вечер» исчез с прилавков магазинов на следующий день после поступления. И хоть тираж его был невелик, всего 300 экземпляров, это исчезновение было исключением из правил. На следующий день любители поэзии искали «Вечер» по всем книжным магазинам Петербурга. Искали годы, пока не появилась вторая книга Ахматовой «Четки» (1914 г.), куда автор поместила и стихи из «Вечера», правда, далеко не все. «Среди неповторенных стихов есть казенные с излишним жестокосердием» (Николай Недоброво). Тогда, в двенадцатом-тринадцатом годах, продавцы предлагали «Дикую Порфиру» Михаила Зенкевича, «Скифские Черепки» Елизаветы Кузьминой-Караваевой, «Аллилуйя» Владимира Нарбута, «Завет» Вл. Бестужева... Все эти книги, вместе с «Вечером», издал «Цех поэтов», все они имели такой же мизерный тираж, такую же обложку с лирой, как и сборник Анны Ахматовой, но последнего не было нигде. «Вечер» сразу стал библиографической редкостью:

Ржавеет золото,
и истекает сталь,
Крошится мрамор. К смерти
все готово.
Всего прочнее на земле —
печаль.

И долговечней — царственное
слово.

А кончить разговор о «Вечере» хочется эпитафией к «Решке», второй части поэмы «Без героя»: «In my beginning is my end». T.S. Eliot («В моем начале мой конец...» T.C. Элиот).

Ахматова глазами Петрова-Водкина.

очень высокую. Ее поэзия, уже с выхода «Вечера», как бы заявила себя поэзией «высокой пробы». Какое же это «Утро»? Стих твердый, содержание каждой строки плотное, слово, как жемчуг, сверкает, переливается, но не выплывает. Ахматова смолоду этого не любила.

«Вечер» — это монолог. Застучался, заколотился гулко пульс человеческой судьбы, выраженный живым словом. С каждой строчкой повышается голос. От шепота до вскрика: «Ты поверь, не змеиное острое жало, а тоска мою выпила кровь». И она ничего не объясняет. Скорее, показывает. Как в театре. Всех захватил ее лирический монолог, ясный, понятный, свободный от символистских красивостей... Это было большим новшеством. Символизм не терпел этого, какая там живая человеческая речь? Да еще — страстная, взволнованная, подлинная. Подлинность речи волновала. Как игра Веры Комиссаржевской. А тогдашние читатели «Вечера» хорошо помнили и ее Нину Заречную, и ее Гедду Габлер... Это был новаторский спектакль, поставленный впервые Мейерхольдом. Он пришел в театр Веры Комиссаржевской, чтобы открыть с ней «новую страницу» в театральном искус-

стве. Именно в это время решила Ахматова попробовать себя в модном тогда искусстве пластического танца. Она «брала» уроки у известного своим новаторством «учителя танцев» Далькроза. А учил он не столько хореографическому языку, сколько особой ритмике движений, пластике жеста, поэтичности поз; учил некой «музыкальности тела». Ахматова делала в этом искусстве необыкновенные успехи. Николай Гумилев был уверен, что она станет балериной. Шутил: «Канатная плясунья! Как ты до мая доживешь?». Отсюда — и ее стойкая любовь к балету. Ее дружба с Агриппиной Вагановой, Татьяной Вечесловой, у которой писатель Михаил Козаков сказал: «...Это поистине Комиссаржевская балетного спектакля». Тогда, в 1912 году, ей помогла очаровательная Олечка Глебова-Судейкина, балерина, актриса, подруга... Не раз писала Ахматова и либретто для композитора Артура Лурье, ее друга, сочинявшего балет на стихи Блока, на ее стихи, писала она к либретто к «Поэме без героя» —

А во сне все казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто,
И отбоя от музыки нет...

Читая «Вечер», понимаешь, что большинство стихотворе-